

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Философский факультет

Общество историков русской философии
им. В.В. Зеньковского

Центр феноменологической философии

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СЕМИНАР «РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ»
(«ДОМ А.Ф. ЛОСЕВА»)

MEANING – SENSE– SYMBOL – II
Theology, Philosophy and Aesthetics
at the Turn of the Century

*Proceedings
of the International Scientific Conference*

26–28 October 2017
Mzheta, Georgia

Moscow
2017

ЗНАЧЕНИЕ – СМЫСЛ – СИМВОЛ – II

Геология, философия и эстетика
на рубеже веков

*Материалы
международной научной конференции*

26–28 октября 2017 г.
Мцхета, Грузия

Москва
2017

УДК 130.2(061.3)
ББК 87я43 + 71.0я43
З-76

Под редакцией Анны Резниченко

Оргкомитет:

- А.И. Резниченко, *д-р филос. наук, проф., РГГУ, Москва*
(председатель оргкомитета)
В.И. Молчанов, *д-р филос. наук, проф., РГГУ, Москва*
И.М. Наливайко, *канд. филос. наук, доц.,*
Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь
В.П. Троицкий, *ст. науч. сотр., Библиотека истории*
русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»,
Москва
Н.А. Ваганова, *канд. филос. наук, доц., ПСТГУ, Москва*
(секретарь оргкомитета)

Художник *Михаил Гуров*

На обложке отрисованный фрагмент картины
Микалоюса Чюрлениса «Рай»

ISBN 978-5-7281-1909-8

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2017

Содержание

<i>Вместо предисловия</i>	7
<i>Программа конференции</i>	9

Тезисы докладов

<i>Н.О. Балаев</i>	
Грузия как символ в размышлениях М.К. Мамардашвили	13
<i>Д.С. Бирюков</i>	
Учение Григория Акиндина об отношении тварного и нетварного	17
<i>Д.И. Макаров</i>	
Триадология Григория Синаита и учение Симеона Нового Богослова: некоторые параллели	21
<i>В.П. Троицкий</i>	
«Древо словесное». Значение и смысл одного мифопоэтического символа Вяч. Иванова	26
<i>М.А. Белоусов</i>	
О понятии смысла в феноменологии	30
<i>Р.А. Лошаков</i>	
Интенциональность как чистое различие значения и смысла	34

<i>А.Л. Юрганов</i>	
Русский духовный ренессанс начала XX века как культурно-историческая проблема	38
<i>И.Н. Лагутина</i>	
Учение о цвете Гёте и символизм Андрея Белого	43
<i>Н.А. Ваганова</i>	
Гностическая мистификация, футуристический след и символистский контекст в «Софии земной и горней» Л.П. Карсавина	49
<i>Г.Е. Аляев, Т.Н. Резвых</i>	
Топология мистической интуиции: С. Франк в Ребрюке, Баденвайлере, Лемго, Сен-Пьер д'Алеваре	52
<i>И.М. Наливайко</i>	
«Великое окончание литературы»: В. Одоевский – В. Розанов – М. Бахтин	57
<i>М.Ю. Эдельштейн</i>	
Об одной трансформации соловьевства: роман Владимира Шуфа «Кто идет?»	59
<i>В.И. Кейдан</i>	
Обманы Эдема. Диалектика сексуальной морали Серебряного века	63
<i>А.И. Резниченко</i>	
«...В час решений всемирно-исторических судеб Европы», или Русские интеллектуалы на фоне аншлюса. Шесть писем Л.Л. Кобылинского (Эллиса) к проф. прот. С. Булгакову (март–апрель 1938)	70
Сведения об авторах / General data about the authors	74

Вместо предисловия

Общее направление конференции – междисциплинарный синтез трех формально не связанных друг с другом дисциплин, имеющих на самом деле глубокую внутреннюю связь: теология говорит о Боге, философия говорит о смыслах, эстетика – о конкретном воплощении их в символах и знаках, филология – о воплощении знаков и символов в словах. Одним из ключевых символов всей иудео-христианской европейской культуры является символ Эдема: топос Бога и Первочеловека, родина смыслов, онтологический корень всех символов. Европейская культура – это тоска по раю и подлинному бытию человека; его отрицание – или его обретение. Местом проведения второй конференции «Значение – Смысл – Символ» выбрана Грузия – страна древней христианской культуры, страна монастырей, научного поиска и художественного творчества: еще один устойчивый образ рая на земле. Отправные пункты дискуссии остаются прежними: осмысление феноменологических и экзистенциальных принципов современной философии человека, внутреннего опыта человека и символики его внешнего воплощения.

«Древо словесное».
Значение и смысл одного мифопоэтического
символа Вяч. Иванова

“Verbal tree” as the symbol of language is used by Vyach. Ivanov in the article “Our Language” (1918), and further in several late poems. Its context is wide: from the image of the “world tree” to the samples of Byzantine hymnography (“the tree of blessing”). Precedents: A. Belov’s article “The Rod of Aaron” (1917), which goes back to the poems of N. Klyuev (“The Underbottom Psalm”). The last one leads to the tradition leads to the Old Believers’ school of Pomorye, and then – to the Likhud’s “Rhetoric”, and further to *Arborum* of Lullius, Joachim Florsky and Boethius. We find the first use at Plotinus (*Enn.* III.8.10). We should pay attention to a role of tree-like structures in modern theories of language (I.A. Melchuk, N. Chomsky).

Keywords: Vyach. Ivanov, N. Klyuev, symbol of language, “Rhetoric” of Likhud, tree-like structures.

Впечатляющий образ или, точнее, мифопоэтический символ «древа словесного» впервые использован Вяч. Ивановым в статье «Наш язык», вошедшей в сборник «Из глубины» (1918). «Древесная» символика по меньшей мере дважды понадобилась ему для характеристики «нашего языка» как такового:

сначала, при выражении общей мысли о том, что «всякое гениальное умозрение» народа предопределено «под живым увеем [тенью] родного “словесного древа”, питающего свои корни в Матери-Земле, а вершину возносящего в тонкий эфир софийной голубизны»;

и далее, при частной характеристике современных упрощений и реформ языка, как прямой растраты его, языка,

«родового наследья», – ибо «язык наших грамотеев уже не живая дубрава народной речи, а свинцовый набор печатника»¹.

Позднее данная символика вполне органично актуализировалась в нескольких стихотворениях Вяч. Иванова – к примеру, в сонете с характерным названием «Язык», вошедшем в последний сборник поэта «Свет вечерний» (1962):

Родная речь певцу земля родная:
В ней предков неразменный клад лежит,
И нашептом дубравным ворожит
Внушенных небом песен мать земная,

и в одной из январских записей «Римского дневника 1944 года»:

«У лукоморья дуб зеленый...»
Он над пучиною соленой
Певцом посажен при луке,
Растет, в молве укорененный,
Укорененный в языке.

Любопытно сопоставить избранный Вяч. Ивановым символ языка («древо словесное») с известным образом, найденным для языка М. Хайдеггером («дом бытия»).

О широком смысле «древа словесного» нам приходилось говорить при публикации первоначального варианта упомянутой статьи Вяч. Иванова: здесь присутствуют, конечно, общекультурные мотивы мирового дерева (см. классические исследования В.Н. Топорова), древа познания добра и зла, древа Иессеева, а специально для области красноречия в пределах византийской и русской словесности – мотивы в широком диапазоне от акафистов Пресвятой Богородице («древо благосеннолиственное») до умений Бояна-сказителя (в «Слове о плъку Игорове») петь, «скача» «по мыслену древу»². Далее предпринимается попытка сузить или уточнить этот контекст, попутно доопределяя и смысл «древа словесного», указав возможные первоисточники в литературе Серебряного века для случая Вяч. Иванова.

Отметим прежде, что известный своей основательностью указатель-словарь концептов «русского символизма», принадлежащий А.А. Ханзен-Лёве, позицию «древо словесное» вовсе не обнаруживает. И это – при наличии в нем развернутого раздела «Мир деревьев» и подраздела «Мировое древо»³.

Ближайшее вхождение термина «древо словесное» находим в статье Андрея Белого «Жезл Аарона», вошедшей в первый сборник «Скифы» (1917), а в ней – в главе, так и названной: «Словесное древо». Андрей Белый, затевая сложную теоретико-символическую игру с этим образом, прямо апеллирует к источнику – «беру случайно у Клюева» – и приводит отрывок из стихотворения Николая Клюева⁴ («Оттого в глазах моих просинь...», публиковалось в цикле «Земля и железо» в тех же «Скифах»):

Осняет Словесное древо
Избяную дремучую Русь.

Именно у А. Белого фиксируется переход от «словесного дерева» к «древу» (как далее и у Вяч. Иванова). Сходный мотив, с прибавлением еще и «благосенной тени» – и с явной апелляцией к Н. Клюеву – мы находим в одной из рецензий С. Есенина, согласно которой только подлинный поэт, «кому нужен подвиг, сдерет с себя четыре кожи», и только тогда заслуженно попадет «под тень “словесного дерева”»⁵.

Через фигуру Николая Клюева с его известным почитанием старообрядческой книжной школы (Выговская пустынь, XVIII в.) предыстория «древа /дерева словесного» хорошо прослеживается далее, в глубь европейской культурной традиции. Так, в популярном наставлении для «краснословов» – в «Риторике» Софрония Лихуда, – мы находим красочные изображения многочисленных «деревьев»: «древо слова риторического», «древо надгробного слова» (пример воспроизведен⁶) и т. д. Почиталась на Выге и «Великая наука» Рамона (Раймунда) Луллия (XIV в.), который значительно чаще своих знаменитых «комбинаторных кругов» употреблял многочисленные «деревья», от *Arbor elementalis*

(«начала» мира) до *Arbor mortalis* (добродетели и пороки) и *Arbor imperialis* (правительства)⁷. Далее в глубь времен традиция строить «словесные деревья» прослеживается минуя *Liber Figurarum* Иоахима Флорского (XII в.) к «древу Порфирия» и «древу творения»⁸ у Боэция (V в.). Вероятно, исторически первое уподобление «деревьям» можно найти у Плотина, учителя Порфирия (*Enn.* III.8.10): здесь Первоединое сравнивается поочередно с «источником-родником» и «гигантским деревом» (φύτου μεγίστου).

Заметим в заключение, что древовидные структуры играют ключевую роль в современных теориях языка – как в трансформационной порождающей грамматике Н. Хомского (деревья составляющих), так и в многоуровневой модели «Смысл <=> Текст» И.А. Мельчука: семантические представления образуют здесь «сеть», морфологические и фонологические представления линейны, синтаксические являются графическими деревьями, деревьями зависимостей.

Примечания

¹ *Иванов Вяч.* Наш язык // Из глубины: Сб. статей о русской революции. М.; Пг., 1918. С. 134, 135.

² *Троицкий В.П.* «Парерга и паралипомена» (Статья Вячеслава Иванова «Наш язык» – публикация, комментарии и размышления) // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 215, 218–219.

³ *Ханзен-Лёве Аге А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. СПб., 2003. С. 559–660.

⁴ *Белый Андрей.* Жезл Аарона // Скифы. [Пг.], 1917. С. 197.

⁵ *Есенин С.* Отчее слово (По поводу романа Андрея Белого «Котик Летаев») // Знамя труда. 1918. № 172 (5 апреля).

⁶ Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. М., 1994. С. 17 (каталог выставки в ГИМ).

⁷ *Бонч-Осмоловская Т.Б.* «Древа» Луллия // Введение в литературу формальных ограничений. Литература формы и игры от античности до наших дней. Самара, 2009. С. 505–506.

⁸ *Неретина С.С.* Боэций: древо творения // Ориентиры. Вып. 3. М., 2006. С. 98–132.